

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**Вопросы
истории, международных отношений
и
документоведения**

Выпуск 5

Издательство Томского университета

2010

широко их применял. Общие идеи политической доктрины цесаревича, как и его матери, предусматривали безграничную власть государства, которое заботится о подданных, ему беспрекословно подчиняющихся. Соответственно, была огромна и власть государя, стоявшего на вершине социальной лестницы. Субъективная, тысячекратно провозглашаемая политическая цель Павла, осознанная им еще в юности, это максимальная централизация, предельное усиление императорской власти как единственный путь к «блаженству всех и каждого».

Примечания

¹ Цит. по кн.: Скоробогатов А.В. Царевич Павел Петрович. М., 2004. С. 113.

² Цит. по кн.: Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 78.

³ См.: Скоробогатов А.В. Указ. соч. С. 135.

⁴ Там же. С. 114–115.

⁵ Там же. С. 116.

⁶ См.: Ковалевский П.И. Император Петр III, император Павел I. СПб., С. 76.

⁷ Цит. по кн.: Скоробогатов А.В. Указ. соч. С. 111.

⁸ Цит. по кн.: Клочков М.В. Указ. соч. С. 145.

А.Д. Болдышев

ИДЕАЛ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ КОНСЕРВАТИЗМА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.

Суть идеологии консерватизма современный немецкий исследователь В. Урбан определяет как «сохранение существующего порядка»¹. Эти идеалы в начале XIX в. отстаивались старыми монархическими режимами в противовес буржуазной природе Французской революции и наполеоновской империи.

Консерватизм – реакция на реализацию идей Просвещения и на их превращение в оптимальную почву для возникновения режимов, далеко опережавших традиционный абсолютизм по уровню насильственности и пренебрежения к человеческой жизни. По словам Н.М. Карамзина, «ужасы французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства...»². Социально-экономическими предпосылками данного процесса стали переход от традиционного общества к индустриальному. Наемные рабочие и буржуазия начинают претендовать на политическую власть и отстаивать свои собственные интересы. В консервативной идеологии, защищавшей традиционный уклад государственности, объединяются стремление «старых» и «новых» классов общества к защите своей собственности от посягательств черни, противопоставление принципа эволюции прежних государственных институтов экстремистским настроениям Французской революции³. А вырастает эта система ценностей на основе беспощадного обличения революции.

Каким должен быть идеал государственности и путь ее развития в понимании идеологов консерватизма конца XVIII – начала XIX в.? Ответ на этот вопрос дают произведения Э. Берка, Ж. де Местра и Н.М. Карамзина. Эти мыслители – современники грандиозных социальных катаклизмов, обеспокоенные страшной ценой уничтожения нравственных начал старого порядка⁴ и судьбой народа, обрекающего себя на страдания. Альтернатива революционной анархии – возможность реформирования сильного монархического государства. Обращение к этой философии предупреждает об опасности экстремизма и непродуманных реформ.

Зарождению консерватизма в Великобритании к началу XIX в. способствовал ряд факторов. Превращение Англии в промышленную державу и бурное развитие промышленного капитализма имели обратной стороной разорение крестьянства, ремесленников, а также бедственное и бесправное положение наемных рабочих. Ответной реакцией стали крупномасштабные выступления пролетариев. Так, «разрушители машин» – луддиты – требовали защиты свободного квалифицированного труда и демократизации британского государства⁵. Перед классами буржуазии и джентри встает проблема создания собственной философии, обосновывающей необходимость сохранения традиционных институтов.

Патриархом консерватизма явился Эдмунд Бёрк (1729–1797). Выходец из Ирландии, он молодым адвокатом стал одним из лидеров партии вигов и до 1789 г. был либералом. Но затем Бёрк опасался огромной международной популярности идей Французской революции⁶. В Англии их сторонниками выступали представители секты неконформистов, которые не могли примириться с нарушениями принципа веротерпимости и развивали идеи Руссо о равенстве, праве на восстание и народном представительстве⁷.

Консерватизм Бёрка воплотился в его работе «Размышления о революции во Франции» (1790). В ней он заявляет о своей позиции решительного противника революции – «переворота в чувствах, нравах и моральных принципах»⁸ и монархиста. Монархия «при выполнении своих функций не будет подвержена тем же страхам и желаниям, которые сама обязана подавлять и подчинять»⁹. Но формируется эта власть в течение длительного времени и требует многолетнего политического опыта. Государственный, по мысли Берка, «должен с величайшей осторожностью приступать к работам по сносу общественного здания, которое в течение веков отвечало своему назначению, и с еще большей осторожностью – к возведению нового...»¹⁰. Только продолжение диалога власти и общества на основе традиции способно постепенно излечить общество от пороков. «Вы можете изменить названия – вещи в своей основе останутся теми же»¹¹, – обращается Берк к французским радикалам, полагая, что революционеры лишь сохраняют прежнюю суть власти.

Вожди черни используют потрясения для личной выгоды. Берк с нескрываемым презрением говорит, что

основной костяк новой французской элиты составляют «провинциальные адвокаты, управляющие мелких юридических контор, деревенские нотариусы и целая банда муниципальных чиновников». Эти люди стараются получить «огромное число прибыльных должностей, появляющихся в государстве как следствие всех больших волнений и переворотов, и особенно насильственного передела собственности»¹².

Революция является сменой элит и сохранением сущности старого государства, достигаемых ценой людских страданий и разрыва с традициями. Разрушаются прежние моральные ценности, им на смену приходят нескрываемые вакханалия насилия и цинизм¹³. Берк видит первые социально-экономические и политические последствия революции: «ниспровергнутые законы, разогнанные суды, бессильная промышленность, издыхающая торговля, непоплаченные долги, народ, доведенный до нищеты, разграбленная церковь, армия и гражданское общество в состоянии анархии...»¹⁴.

Французских политиков-популистов, заявляющих о возможности быстро построить новое государство, Берк обвиняет в игнорировании сложной природы общества и человека: «...нет такого политического направления, нет такой власти, которая устраивала бы каждого... Идея простого политического устройства изначально порочна...»¹⁵.

Сохранение старого монархического государства, реформы и преемственность развития отнюдь не отменяют свободы. Для Берка это и права, и обязанности граждан, и уважение к традиции¹⁶. «Я вовсе не отрицаю маленькие хитрости и приспособления, способствующие популярности идей свободы...», – заявляет философ. – Но в том, что происходит во Франции, эти чувства и искусные проделки мало помогают. Оказывается, создать правительство совсем несложно; достаточно определить его местонахождение, обучить народ покорности – и дело сделано. Дать свободу еще легче. Для этого достаточно отпустить поводья. Но создать свободное государство, т.е. регулировать противоположные элементы свободы и сдерживания, – это требует размышлений...»¹⁷. Поэтому Берк предсказывал очевидный крах надежд французских радикалов на построение справедливого государства. Он полагал, что «если монархия во Франции будет восстановлена, в стране возникнет такая полная тирания, какой еще не бывало на земле... Замешательство, неразбериха, возникающие в таких ситуациях, будут полезны любой власти; под видом защиты конституции она организует террор...»¹⁸. Жизнь показала справедливость этого пророчества английского мыслителя.

Следующий мыслитель – Жозеф де Местр (1753–1821), потомок французского графского рода, занимал с 1788 г. пост сенатора в Савойе, после ее захвата в 1792 г. французскими революционными войсками эмигрировал и с 1803 г. был посланником в России, в период Реставрации жил во Франции и Сардинии и занимал ряд почетных должностей¹⁹.

Де Местр отстаивал неизменность французской монархии и уделял внимание проблеме послереволюционного устройства. Возрождение монархии должно предотвратить новый всплеск гражданской войны²⁰. Мыслитель с сочувствием отзывался о своей нации, которая была «обманута и стала жертвой горстки людей, вставших между нею и законным сувереном»²¹. Самое страшное преступление новой власти во Франции – уничтожение института монархии и казнь короля²². Такого рода деяние, «сотворенное от имени нации, есть всегда в большей или меньшей степени национальное преступление, ибо всегда нация в большей или меньшей степени виновна в том, что некое число мятежников в состоянии совершить преступление от ее имени»²³. Де Местр ставил вопрос о гражданской ответственности каждого человека за происходящие события. Терпимость к террору стала наказанием для французов. В революционной стихии от неминуемой гибели нет защиты никому – ни палачу, ни жертве: «Французская революция управляет людьми более, чем люди управляют ею...»²⁴.

Массовое насилие обесценивает закон. Де Местр, полагавший, что «никакое великое учреждение не является результатом обсуждения», называл французскую конституцию «лишь автоматом, который имеет лишь внешние формы жизни»²⁴. В Наполеоне он видел человека, «для которого пятнадцать лет тому назад офицерские эполеты были сокровищем и которому недостаточно Франции»²⁵. Ж. де Местр – традиционалист, отстаивающий священные принципы старой власти без каких-либо изменений.

Основателем русского консерватизма стал Николай Михайлович Карамзин (1766 – 1826) – видный литератор, поэт, журналист, автор «Истории государства Российского», фаворит Александра I, непродолжительное время входивший в окружение Николая I²⁶. Проблемы сохранения устоев российского самодержавия решались Карамзиным в «Записке о древней и новой России».

В начале XIX в. в отечественной элите получили распространение идеи буржуазной государственности. «Записка...» – реакция старого дворянства на проведение реформ и создание конституционных проектов М.М. Сперанского. Учреждение Государственного Совета (1810), введение экзаменов на чины (1809), намечавшиеся разработки новых судебного, гражданского и правового уложений, разделение сената на судебный и председательствующий вызвали недовольство широких слоев дворянства и чиновничества²⁷. Особое возмущение вызывали намерения Сперанского ввести конституционную монархию, разделение власти на исполнительную, законодательную и судебную ветви и особенно установление гражданских свобод²⁸. «Словом, самый недалновидный человек понимал, что вскоре наступят новые порядки, которые перевернут существующий строй», – вспоминал об этом времени один из современников²⁹.

«Записка о древней и новой России» появилась в 1811 г. и впервые была опубликована в 1861 г. в Берлине, а в 1870 г. – в России. С ней были знакомы Александр I, его сестра великая княгиня Елена Павловна и Николай I³⁰. Цель этого документа – защита традиционных ценностей Российского государства как альтернатива преобразованиям М.М. Сперанского. Идеи Карамзина по своей сути выражают мнение большинства дворян. Другое обстоятельство, обусловившее принятие «Записки...», – приближающаяся война с Францией.

В своем проекте сохранения государственного устройства Н.М. Карамзин обращается к печальному опыту Французской революции, которая «оставила сына, сходного с нею в главных чертах лица» и ставшего «гением властолюбия и побед»³¹ – Наполеона. Сравнивая старую Россию и наполеоновскую Францию, историк спрашивал: «...где видим гражданское общество [...] в России при Екатерине II или во Франции при Наполеоне? Где более произвола и прихотей самовластия, где более законного, единообразного течения в делах правительства?»³²

Займствование в правовой жизни России элементов буржуазной государственности станет неизбежным условием, подготавливающим грядущую революцию. По словам Карамзина, «советники Александровы захотели новостей в главных способах монаршего действия, оставив без внимания правило мудрых, что всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости...»³³ Необходимости реформ мыслитель отнюдь не отрицает. Но эти принципы должны опираться на глубокое осмысление традиций, заложенных в институты государства. Так, кодификация законов должна исходить из того, что «законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, откровений, местных обстоятельств». Для этой работы необходимо использовать традиционное римское право и Соборное уложение 1649 г. Но для данной работы нужен незаурядный политический деятель, а «другие могут служить ему только советниками, помощниками, работниками. Здесь единство мыслей необходимо для совершенства частей и целого...»³⁴

Идеалом политического устройства Карамзин считал самодержавное государство – «палладиум России»³⁵. Основное лицо в управлении – монарх, который лично санкционирует принятие законов, определяет кадровую политику, производя смену лиц в своем окружении: «Государь всероссийский внемлет только мудрости, где находит ее: в собственном ли уме, в книгах ли, в голове ли лучших своих подданных; но в самодержавии не надобно ничьего одобрения для законов, кроме подписи государя – он имеет всю власть... Министр есть рука венценосца, не более: рука не судит головы! Министр подписывает именные указы не для публики, а для императора в уверение, что они написаны слово в слово так, как государь приказал... – Пусть он награждает своей милостью, а в противном случае удаляет недостойных без шума, тихо и скромно»³⁶.

Настоящей основой эффективного государственного управления является не столько перемена форм и институтов, сколько качественный подбор кадров, позволяющий выявить умелых руководителей: «Не только в республиках, но и в монархиях кандидаты должны быть назначены единственно по способностям..., кто имеет ум министра, не должен поседеть в столоначальниках или секретарях. Чины унижаются не скорым их приобретением, но глупостью и бесчестьем чиновников...»³⁷. Умением разбираться в подборе чиновников должен обладать император. Важно существование других институтов самодержавия: «Дворянство и духовенство, Сенат и Синод как хранилище законов, над всеми государь, единственный законодатель, единственный источник всех властей, – вот основание Российской монархии»³⁸. Привилегии и права дворянства – «главное необходимое орудие, двигающее состав государственный»³⁹. Карамзин не считал нужным торопиться с отменой крепостного права: «Мне кажется, что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, к которой надобно готовить человека исправлением нравственным...»⁴⁰

Эти рекомендации Карамзина обращены непосредственно к Александру I, увлеченному либеральными идеями. Историк считает, что сохранению самодержавной власти в России могло бы служить сбережение незыблемых основ существующего порядка: «Мы читаем в прекрасной душе Александра сильное желание утвердить в России действие закона. Оставив прежние формы, но двигая, так сказать, оные постоянным духом ревности к общему добру, он скорее мог бы достигнуть сей цели и затруднил бы для наследников отступление от законного порядка»⁴¹.

В основу российской государственности Карамзин закладывает огромную роль личности императора, непосредственное подчинение самодержцу его окружения, сохранение основ традиционного государства. Мыслитель признает необходимость создания нового законодательства на основе политических традиций России. Высказывания Карамзина о том, что свобода не может не накладываться на человека определенных моральных обязательств и ограничений, справедливы. Но такую возможность не может дать бесправие подданных и крепостничество. Тем самым оправдывается существование жестокого старого порядка.

Основоположники консерватизма приходят к общему выводу: нельзя проектировать будущее общества по отвлеченным философским схемам, ибо их последовательная реализация приведет к созданию государственности более жестокой и беспощадной, чем уничтоженный старый порядок. XX в. доказал справедливость этого тезиса.

Примечания

¹ Урбан В. Развитие немецкого и русского консерватизма в XIX в. // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции: матер. межд. науч. конф., 15.02.2002 г. СПб., 2002. С. 72.

² Цит. по: Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981. С. 7–8.

³ Рахшмир П.Ю. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 49–50.

⁴ О'Брайен К.К. «Манифест контрреволюции» // Берк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993. С. 3–4.

⁵ Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М., 1991. С. 162.

⁶ История политических и правовых учений. М., 2007. С. 256–257.

⁷ История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. М., 1983. С. 105.

⁸ Берк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993. С. 82.

⁹ Там же. С. 71.

¹⁰ Там же. С. 72.

¹¹ Там же. С. 113.

- ¹² Там же. С. 59.
¹³ Там же. С. 55.
¹⁴ Там же. С. 56–57.
¹⁵ Там же. С. 72.
¹⁶ Там же.
¹⁷ Там же. С. 142.
¹⁸ Там же. С. 127.
¹⁹ История политических и правовых учений... С. 266–267.
²⁰ д Местр Ж.М. Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 166.
²¹ Там же. С. 121.
²² Там же. С. 23.
²³ Там же. С. 14–15.
²⁴ Там же. С. 95.
²⁵ Цит. по: Степанов М. Жохеф де Местр в России // Литературное наследство. 1937. № 29–30. С. 585.
²⁶ Сахаров А.Н. Н.М. Карамзин // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 82–85.
²⁷ Томсинов В.А. Светило русской бюрократии (М.М. Сперанский). М., 1997. С. 113–126.
²⁸ Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 153–180, 222.
²⁹ Рунич Д.П. Записки // Русская старина. 1901. № 2. С. 355–356.
³⁰ Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А. и др. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 43–44.
³¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России (1811) // Русский архив. 1870. № 1. С. 2274.
³² Там же. С. 2290–2291.
³³ Там же. С. 2282.
³⁴ Там же. С. 2325–2330.
³⁵ Там же. С. 2343–2344.
³⁶ Там же. С. 2287–2290.
³⁷ Там же. С. 2335.
³⁸ Там же. С. 2348.
³⁹ Там же. С. 2344.
⁴⁰ Там же. С. 2304.
⁴¹ Там же. С. 2290–2291.

Е.А. Захарченко

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ВЕДУЩАЯ В ФОРМИРОВАНИИ ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА ЧИНГИСХАНА

Историческая память, как и индивидуальная, избирательна. Механизмы её избирательности могут быть разными. Следовательно, исторической памяти свойственно творить мифы и стереотипы. Это произошло и с личностью Чингисхана. Поэтому, на наш взгляд, необходимо на данном этапе обозначить проблему данному исследованию. Следовательно, в центре нашего внимания оказывается ряд вопросов. Во-первых, как изменялся образ Темучина за весь период его существования, начиная с рождения? Какие моменты в этом периоде можно назвать переломными и как это объяснить? Во-вторых, как концепция исторической памяти соотносится с происходящими трансформациями вокруг образа Чингиса?

Хотелось бы отметить, что методологической основой курсовой работы и данного доклада является концепция исторической памяти, разрабатываемая многими историками и нашедшая отражение в работе Фритьофа Беньямина Шенка «Александр Невский в русской культурной памяти».

Необходимо упомянуть ряд других научных исследований, использованных в ходе данной работы. Это, ставшие уже хрестоматийными труды отечественных исследователей Б.Я. Владимирцова «Чингис-хан» и «Работы по истории и этнографии монгольских народов», Л.Н. Гумилёва «В поисках вымышленного царства», В.И. Кычанова «Властители Азии» и «Жизнь Темучина, думавшего покорить мир», В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» и «Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов», сборник статей «Татаро-монголы в Азии и Европе» и отдельные статьи К. Маркса, И.П. Петрушевского, С.Л. Кузьмина, Эрдмана, а также «Краткий обзор писателя XIII века Киракоса Гандзакецы о монголах».

Для начала проследим трансформацию образа Чингисхана в истории. Уже начиная с рождения, личность Темучина подверглась мифологизации. Во многом это связано с мифом о сгустке крови в руке новорождённого, описанным в «Сокровенном сказании». Этот миф подтверждает тезис из монографии Ф.Б. Шенка «Александр Невский в русской культурной памяти», где написано: «Культурная память способна простираться вплоть до мифической предыстории сообщества, хранит картины из «абсолютного прошлого»¹.

Сокровенное сказание, как источник, очень важен для понимания и, собственно, становления образа Потрясателя Вселенной, поскольку автор указывает на двойственность этой фигуры: апологетическую и критическую стороны. С другой стороны, в России, Европе и среднеазиатских странах формируется только отрицательный образ Чингисхана в связи со страхом перед его завоеваниями и мощью его армии. На российской почве этот негативный образ был ещё больше упрочнён благодаря соответствующему отношению видных историков, таких как Карамзин, который писал в своих трудах: «Сей отрок, воспитанный матерью в простоте жизни пастырской, долженствовал удивить мир геройством и счастьем, покорить миллионы людей и сокрушить государства, знаменитые сильными воинствами, цветущими искусствами, науками и мудростию своих древних законодателей»². Такое видение личности Темучина долгое время оставалось неизменным, а после Октябрьской революции 1917 г. ещё более усилилось, что связано с опорой партии на идеи марксизма. Следовательно, мысль Мар-